

Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусства и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиления.
– Вот счастье! вот права...
[Пушкин 1993–1994. Т.1: 533].

На этом и заканчивается переписка молодых людей, Лизы и Владимира, входящая в «большое время», или же *непрошедшее*, как опыт духовного наставления блуждающих во мраке нравственного неведения, дабы обрести себя самого отнюдь не стяжанием личностной исключительности, но сопряжением своей судьбы с другими и в посвящении себя другим, что и восходит к духовной традиции отечественной культуры.

Литература

Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. М. : Художественная литература, 1978. С. 393–413.

Пушкин А. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1-5. СПб. : Библиополис, 1993–1994.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.

Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд. СПб. : РХГА, 2017. 550 с.

Одоевский В. 4338-й год (Петербургские письма) // Сильфида: Фантастические повести русских романтиков. – М. : Современник, 1988. С. 526–557.

Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. 84 с.

Строганов М. В. О Пушкине: статьи разных лет. Тверь: Золотаябуква, 2003. 332 с.

Antonov V. A. «A novel in Letters» by A. S. Pushkin in the context of the «big time».

Abstract. Correspondence, as a phenomenon of spiritual culture, is rooted in the tradition of national identity and is refracted in the artistic searches of Russian writers. The unfinished idea of the «Novel in Letters» by A.S. Pushkin testifies to the emerging tendency of cooling interests to political passions or idle pleasures in exchange for finding peace of mind and harmony, so that the almost textbook opposition of the "present century" to the "past century" ceases to be relevant.

Keywords: Pushkin, epistolary tradition, national identity, spiritual meaning.

О. Д. Кошелева

(научн. руководитель Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Структурно-смысловая организация «Романа в девяти письмах»

Ф. М. Достоевского

Аннотация. «Роман в девяти письмах» Ф. М. Достоевского построен на разрушении ожиданий читателя от эпистолярной формы, поскольку Достоевский использует ее для написания комического произведения. Для достижения комического эффекта писатель часто прибегает к параллелизму на разных уровнях текста, а также к отсылкам на литературу, актуальную для читателей XIX века. В конце произведения принцип параллелизма намеренно нарушается автором, что не соответствует ожиданиям читателя.

Ключевые слова: эпистолярная проза, Ф. М. Достоевский, «Роман в девяти письмах», юмор, параллелизм.

«Роман в девяти письмах» является одним из наименее исследованных произведений Ф. М. Достоевского. Наследуя форму эпистолярного романа от вышедших ранее «Бедных людей», «Роман...» по сюжету и основному замыслу кардинально отличается от своего предшественника. «Роман...» – это юмористическое произведение, написанное для альманаха «Зубоскал» Н. А. Некрасова. Но идея Некрасова так и не была осуществлена, и «Роман...» вышел в «Современнике». Используя ту же самую форму, что и в «Бедных людях», Достоевский наполняет ее совершенно другим смыслом.

Сам по себе жанр, заданный автором уже в заглавии произведения, имеет богатую историю, наиболее ярко представленную в литературе сентиментализма. Хотя авторская жанровая номинация уже в случае с «Бедными людьми» вызывала споры у критиков, для нас интересна не столько жанровая особенность этого произведения, сколько то, как эпистолярная форма, среди прочих средств, помогает создать комический эффект и разрушает ожидания от этого жанра.

Эпистолярная проза имеет ряд формальных признаков у каждого отдельного письма, как то: обращение, указание на дату, ответ на написанное в полученном письме, прощание, постскрипtum и т.п. «Кроме того, в эпистолярной прозе присутствует особый ритм, связанный с тем, что любая коммуникационная модель, в том числе эпистолярная, предполагает обратную связь, никогда не бывает однонаправленной и требует реакции от каждого участника, то есть ответного письма на первичный адрес» [Кричевский 2021: 3651–3652]. Все эти признаки присутствуют в «Романе...» почти до конца, а сочетание формальных штампов («затем имею честь пребыть», «позвольте пребыть и проч.», «милостивый мой государь, Петр Иванович!») с нарастающими по мере повествования ругательными репликами («дома и духа вашего не было», «могу погубить и осквернить ваше имя в глазах целого света», «получив ваше мужицкое послание») работает на создание комического эффекта.

Сама особенность эпистолярного романа такова, что сюжет «отличается своеобразной двойственностью – наличием сюжета переписки и сюжета реальной жизни героев» [Шарифова 2011: 36]. Текст «Романа...» оказывается полон неясности и недосказанности. Этому способствует «оставление» определенных событий за пределами сказанного в переписке, внешних событий, происходящих с героями. Сам стиль написания с нагромождениями как этикетных форм письма, так и оскорблений героями друг друга, затрудняет вычленение событийного ряда. В целом, ситуация, побудившая Петра Ивановича написать первое письмо Ивану Петровичу, как отмечает Р. Белкнап, восходит к «греческой и римской комедии, в которой очень часто бегущий невольник, вестник с очень важными сведениями, ищет хозяина повсюду, причем иногда он в панике пробегает даже между ног хозяина» [Белкнап 1996: 27]. Исходя из переписки героев, мы можем лишь догадываться о том, что произошло. Нам становится понятно только из шестого письма, что герои – мошенники, как-то обманувшие одного молодого человека. Иван Петрович, судя по всему, привел его в дом Петра Ивановича, где Петр Иванович, мошенничая, обыграл Евгения Николаевича в карты. От этого выигрыша Ивану Петровичу полагалась половина: «Известно тоже мне, что вы каждый вечер, в продолжение двух недель, клали в карман свой по несколько десятков, а иногда и до сотни рублей серебром, держа палки и банки Евгению Николаевичу. Теперь же вы от этого всего отпираетесь и не только не соглашаетесь возблагодарить меня за старания, но даже присвоили безвозвратно собственные деньги мои, соблазнив меня предварительно качеством вашего половинщика и обольстив меня разными выгодами, имеющими быть на долю мою. Присвоив же теперь беззаконнейшим образом себе мои и Евгения Николаевича деньги, возблагодарить меня уклоняетесь, употребляя для сего клевету, которую и очернили безрассудно в глазах моих того, кого я стараниями и усилиями своими ввел в ваш дом» [Достоевский 1972: 237–238]. Как и любое эпистолярное произведение, «Роман...» вызывает интерес у читателя как проникновение в частную жизнь, наблюдение за чужими словами, однако, в произведении Достоевского это проникновение

оказывается затруднено, и писатель позволяет нам сделать это отчасти и лишь к концу произведения.

Как указано в примечаниях к полному собранию сочинений в тридцати томах, название призвано также вызвать литературные ассоциации с «Романом в семи письмах» А. А. Бестужева-Марлинского [Достоевский 1972: 500]. Имея схожее название с произведением Бестужева-Марлинского, «Роман...» Достоевского своим названием побуждал читателя ожидать нечто подобное в сюжетном плане: «лирическая исповедь молодого пылкого любовника, переходящего от упоения любовью к мукам ревности и убивающего на дуэли своего более счастливого соперника» [Там же]. Вместо этого перед читателями предстала «переписка шулеров», что полностью разрушало их ожидание как в ассоциации с Бестужевым-Марлинским, так с самим Достоевским. От саморефлексии и страданий несчастного чиновника из «Бедных людей» не осталось и следа. Сама эпистолярная форма подразумевает более глубокое проникновение в психологию героя, в мир его мыслей и переживаний, которые в обычном событийном потоке могут быть скрыты. Однако для Достоевского на первый план выступает затененность, отрывочность, эпизодичность писем, что порождает комический эффект.

Но намек на любовную линию присутствует и в «Романе в девяти письмах». Две любовные записки, присланные Петру Ивановичу и Ивану Петровичу отличаются по своей структуре от их собственных писем друг другу, которые составляют основную часть произведения. Во-первых, их сопровождает авторский комментарий о том, как герои вскрывают письма. Комментарии эти идентичны по своей структуре: дата, кто получил, как и сколько писем; быстро вскрывают пакеты и достают записки; видят почерк жены; адресованы к Евгению Николаевичу, больше в конверте ничего нет. Во-вторых, мы доподлинно не знаем, кто послал им эти записки, т.к. они не сопровождаются авторской пометой, которой были обозначены все письма до этого: От Петра Ивановича к Ивану Петровичу или наоборот, а письма от героев друг другу лежат в других конвертах. Часто используемый прием для достижения комизма в «Романе...» – параллелизм, который прослеживается во всем тексте. Во многом этот параллелизм – наследие гоголевской традиции. Это и зеркальные имена главных героев, и «характерные фамилии-клички ряда второстепенных персонажей рассказа (Чистоганов, Перепалкин, Толоконов)» [Там же], и сама тема «обманутого обманщика» [Там же]. «В “Игроках” Гоголя жертва обводит вокруг пальца шулеров, убегая с их деньгами. У Достоевского шулеры теряют не деньги, а жен, примерно так, как в “Бедных людях” Достоевский переиначил потерянную шинель, превратив ее в потерю драгоценной человеческой личности. Не деньги – на деньги (как у Гоголя), а деньги – на жен» [Белкнап 1996: 27–28].

Однако, образы жен Ивана Петровича и Петра Ивановича, кажутся нам не столь однозначными. На первый взгляд, параллелизм присутствует и в образах жен героев: влюбленность в одного мужчину, записки, чтение по очереди «Дон-Кихота» и т. д. Однако, эти героини противоположны по своему характеру. Анализируя женские образы, Н. Ю. Зими́на приходит к выводу, что хотя Анна Петровна, действительно, имела связь с тем самым Евгением Николаевичем, которого два шулера обманули, Татьяна Петровна не является неверной женой. Сближая образ Татьяны Петровны с пушкинской Татьяной, Зими́на пишет о ней как о целомудренной и ценящей мнение родных (см. [Зими́на 2013]). Таким образом, на первый взгляд комичная ситуация, основанная на параллелизме, разрушается в конце, через снятие параллелизма жен героев. Достоевский вновь обманывает ожидания своих читателей.

Среди современников оригинальный подход Достоевского к уже устаревшему жанру не был принят с таким энтузиазмом, как это случилось ранее с «Бедными людьми». Белинский писал И. С. Тургеневу: «Достоевского переписка шулеров, к удивлению моему, мне просто не понравилась – насилу дочел» [Достоевский 1972: 501]. Тем не менее «Роман в девяти письмах» остается достаточно интересным экспериментом Достоевского, от начала и до конца построенным на разрушении читательского ожидания.

Литература

Белкнап Р. О традиции эпистолярного романа в «Романе в девяти письмах» Ф. М. Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. 1996. №13. С. 23–28.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. Бедные люди: повести и рассказы; 1846–1847 / ред. Г. М. Фридлендер; подгот. и прим. Т. М. Орнатской. Г. М. Фридлендера. 519 с.

Зими́на Н. Ю. «Роман в девяти письмах» Достоевского как роман о любви // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. №5. С. 140–147.

Кричевский Г. А. Концепция эпистолярного жанра В. Б. Шкловского в заметках 1957 года о Ф. М. Достоевском // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 12. Т. 14. С. 3649–3655.

Шари́фова С. Ш. Взаимодействие романа с публицистическими жанрами // Новый филологический вестник. 2011. № 4(19). С. 33–48.

Kosheleva O. D. Structural and semantic organization of the “A Novel in Nine Letters” by F. M. Dostoevsky

Abstract. «A Novel in Nine Letters» by F. M. Dostoevsky is built on the destruction of the reader's expectations from the epistolary form, since Dostoevsky uses it to write a comic work. To achieve a comic effect, the writer often uses to parallelism at different levels of the text, as well as to references to literature relevant to readers of the XIX century. At the end of the work, the principle of parallelism is intentionally violated by the author, which does not meet the reader's expectations.

Keywords: epistolary prose, F. M. Dostoevsky, «A Novel in nine letters», humor, parallelism.

Н. А. Богословская

(научный руководитель **Е. А. Попова**)

Липецкий государственный педагогический университет,
Липецк, Россия

«Письмо к китайцу» Л. Н. Толстого: языковое своеобразие воплощения авторской позиции

Аннотация. В статье на основе анализа «Письма к китайцу» Л. Н. Толстого рассматривается специфика эпистолярного жанра в русской литературе, а также характеризуется языковое своеобразие воплощения авторской позиции. В тексте были выявлены такие черты, характерные для эпистолярного жанра, как наличие адресата и адресанта, сочетание разговорной и книжной речи, использование этикетных формул и обращений и др. В статье отмечается специфика «Письма к китайцу» и влияние данного произведения на русскую культуру.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, специфика эпистолярного жанра, «Письмо к китайцу», Л. Н. Толстой.

Современная лингвистическая наука большое внимание уделяет изучению эпистолярного жанра. Письма исследуются с точки зрения жанрово-стилевых особенностей, особенностей, структуры, использования разноуровневых языковых единиц в текстах и т.д.

Исходя из особенностей использования в письмах того или иного функционального стиля можно выделить следующие типы эпистолярных жанров:

1) официально-деловое письмо (в русле официально-делового стиля; письма как деловые документы, отражающие не личные, а официальные отношения);